

«ДОРОГОВИЗНА» КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДМЕТ И МЕТОД ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В поисках выхода из состояния методологического кризиса современное обществознание обращается к применению микроисторических подходов и междисциплинарному синтезу. Наиболее актуальным направлением научных исследований становится изучение повседневности. Цель работы состоит в изучении феномена дороговизны как фактора трансформации повседневной реальности в период Первой мировой войны.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива Самарской области, Государственного архива Ульяновской области, Государственного архива Пензенской области, а также анализа историографических источников по проблеме изучения феномена повседневности. Методологический потенциал включает: базисные принципы научного познания – историзм и объективность, герменевтику как метод интерпретации текста, микроисторические подходы и методы локальной истории.

Результаты. Исследованы этапы формирования предметной области теории повседневности. Выявлена специфика определения понятия «повседневность». Проанализированы основные виды источников по истории повседневности. Доказана эффективность применения методов локальной истории и теории менталитета для решения исследовательских задач. Рассмотрены особенности формирования феномена «дороговизна» и механизм его воздействия на радикализацию массовых настроений в эпоху Первой мировой войны.

Выводы. Результаты исследований в сфере методологии повседневности показывают широкие возможности применения микроисторических подходов к изучению феномена «дороговизны» как фактора трансформации повседневности в эпоху Первой мировой войны. Дезинтеграция социальных связей оценивалась массовым сознанием как неотвратимое приближение крушения реальности повседневной жизни. «Ужасная обремененность» дороговизной определяла одно из наиболее общих и сверхсильных массовых переживаний в эпоху Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, история повседневности, продовольственный вопрос, кризис системы потребления, дороговизна, погромные настроения.

О. А. Sukhova

«HIGH PRICES» AS THE EVERYDAY LIFE TRANSFORMATION FACTOR IN THE ERA OF THE FIRST WORLD WAR: THE SUBJECT AND METHOD OF RESEARCH PRACTICES

Abstract.

Background. In search of the exit from the state of methodological crisis the modern social sciences refer to the use of the micro-historical approaches and the in-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Культура повседневности народов Пензенского края как фактор формирования исторической памяти» № 14-11-58005.

terdisciplinary synthesis. The most relevant direction of research is to study everyday life. The aim of the work is to study the phenomenon of high cost as a factor in transformation of the everyday reality in the First World War.

Materials and methods. Implementation of the research tasks was achieved through the use of documents from the stock of the Central State Archive of Samara region, the State Archive of Ulyanovsk region, the State Archive of Penza region, as well as through the analysis of historiographical sources on the issue of studying the phenomenon of everyday life. The methodological potential includes the basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, hermeneutics as a method of interpreting a text, micro-historical approaches and methods of local history.

Results. The article investigated the steps of formation of a domain theory of everyday life. The specificity of definition of “everyday life” was defined. The author analyzed the main types of sources of the everyday life history. He proved the effectiveness of the methods of local history and the theory of mentality to solve the research problems. The features of formation of the phenomenon of “high cost” and how it impacts the radicalization of mass attitudes in the era of the First World War were considered.

Conclusions. The results of the research in the field of methodology of every day life show a wide range of applications of the micro-historical approaches to the study of the phenomenon of “high cost” as a factor of transformation of everyday life in the era of the First World War. Desintegration of social relations was considered by mass consciousness as the inevitable approach of the every day life reality collapse. “Horrible burdeness” of “high cost” defines one of the most common and the strongest mass experiences in the World War I era.

Key words: First World War, history of everyday life, food question, crisis of the system of consumption, high cost, pogrom mood.

Обозначив цель работы как изучение отдельных аспектов военной повседневности, при ближайшем рассмотрении проблемы мы неизбежно споткнемся о многозначность и неустойчивость дефиниции самого предмета исследования. С одной стороны, история повседневности предстает сегодня неким инновационным способом преодоления кризиса исторической науки за счет микроисторических походов и междисциплинарного синтеза в ходе работы с самыми разнообразными источниками, с другой – сохраняется сложность в определении пределов и возможностей использования этого концепта, в структурировании сферы повседневного. Разрешить противоречие позволяет обращение к истории формирования и современному толкованию содержания рассматриваемой категории.

В западной историографии анализ проблем повседневности имеет весьма давнюю традицию, впитавшую достижения аналитической философии и социальной феноменологии. Источником непрекращающихся и по сей день дискуссий стали идеи основоположника социальной феноменологии А. Шюца о конституировании и конструировании мира и о естественной установке на жизненный мир. Эта концепция получила творческое развитие в работах его учеников П. Л. Бергмана и Т. Лукаса (идея «реальности повседневной жизни» как высшей, упорядоченной реальности, организованной «вокруг “здесь” моего тела и “сейчас” моего настоящего времени») [1, с. 30]. Свое практическое воплощение новые веяния нашли и в трудах представителей школы «Анналов», обозначивших свое кредо как изучение человека в историческом измерении. Собственно сам термин «повседневность» в пред-

метную область исторического знания вводит Ф. Бродель. Примерно с 1970-х гг. концепт «повседневность» становится необходимым компонентом философского языка [2, с. 10].

С конца XX в. рамки историко-культурно-антропологического видения прошлого, ранее хронологически ограниченные проблематикой средневековья и нового времени, существенно расширились и приобрели вид четко структурированной программы, методологического подхода, объединившего усилия исследователей в деле изучения материальной жизни, менталитета и повседневности [3, с. 10; 4, с. 36].

В современном гуманитарном знании под эгидой «практического поворота» постепенно формируется общее для ряда направлений и школ понятие – «практика». В частности, А. Людтке в целях концептуализации направления вводит следующие структурные элементы: практика (поведение, посредством которого люди осваиваются с условиями своей жизни (адаптация; выживание); освоение (усвоить, сделать что-то своим в материальном смысле); акторы (действующие лица); силовые поля (социальные связи и действия по производству культурных продуктов); уклонения (стремление поступать иначе, чем ожидается) [5].

В российской историографии вплоть до конца 1980-х гг. на фоне приоритета классовых обобщений повседневность была лишена внимания «серьезных» исследователей, длительное время оставаясь на периферии исследовательского интереса. Ситуация начинает заметно меняться лишь в 1970–1980-х гг.: было опубликовано немало работ по истории быта, появляются первые монографии, выполненные в русле междисциплинарного синтеза (историко-этнографические, историко-психологические исследования, работы по проблемам семиотики культуры и пр.). В 1985 г. Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР был подготовлен первый коллективный труд, посвященный комплексному изучению стереотипов поведения [6]. Следует заметить, что, несмотря на отсутствие концепта «социальная практика», интерес к типологии поведения выводит авторов на новые уровни абстрагирования, формируя представление об эпохальных стилях поведения – скажем, поведении средневекового человека. В сборнике представлена работа Т. В. Цивьяна, раскрывающая особенности мифологического программирования повседневной жизни. Таким образом, теоретические основы истории повседневности, «будничной жизни» разрабатывались и в отечественном гуманитарном знании, не выходя за пределы семиотических или этнографических исследований. Однако «романтическое» сопротивление повседневности сохраняется в российской историографии почти до конца XX в. [4, с. 38].

В рамках современной социологии повседневности специальному рассмотрению подвергается самый широкий спектр явлений жизни общества, в том числе: пространство обитания в быту; хронометраж будничного и выходного дней, форм досуга и пр.; ролевые функции в различных социальных группах; порядок социализации различных групп; порядок сна; формы питания; ежедневные и праздничные ритуалы, модификации этикета; статусные значения вещей, элементов материального мира и пр. [4, с. 4–7].

Весьма продуктивными, на наш взгляд, представляются попытки современных авторов структурировать повседневность. И если вопросы, которые волновали исследователей первой волны интереса к повседневности (ру-

беж XIX–XX вв.), фокусировали внимание на отдельных элементах конструкции: макро- и микросреда обитания; тело и заботы о его природе и социокультурных функциях; ключевые моменты в жизни человека (рождение, смерть и пр.); семейные и межличностные отношения; досуг [7, с. 30–31], то в работах последнего времени основной акцент смещается в сферу взаимодействия. В частности, Н. В. Розенберг предлагает модель, в которой согласуются три уровня организации структур повседневности:

– близость к собственному «Я» жизненного круга, очерченного пределами быта, обыденной реальности;

– основополагающие дихотомии, отвечающие за взаимодействие внеобыденных и повседневных сфер культуры: привычка – спонтанность, ритуал – незапность, рутина – креативность, будни – праздник, традиция – мода, стабильность – экстремальность, реальность – виртуальность;

– язык, ценности и менталитет [2].

По мнению Ю. В. Карлсон, существуют основания для деления повседневности на шесть структурных элементов: «...темпоральность, пространство, телесность, вещь, язык и религию». В этом случае структуру повседневности можно описать соотношением следующих трех уровней: пространственно-временного, материально-предметного (телесного) и ментального [8, с. 61].

Среди особенностей исследования проблем повседневности в современную нам эпоху можно отметить: дальнейшую антропологизацию заданного направления научных поисков (в рамках которой осуществляется синтез повседневности как пространства материальных артефактов, восприятия и поведенческих практик или стратегий); расширение тематического поля и хронологии исследований по истории повседневности («реабилитация» производственной повседневности, повседневность власти, советская и постсоветская повседневность и пр.); незавершенность выработки и уточнения терминологического (понятийного) аппарата истории повседневности; рост интереса к символическим аспектам повседневности. Кроме того, стоит упомянуть стремление «связать повседневность как микроисторический уровень жизни с макроисторией и доказать их взаимодействие», а также «отказ от самоценного бытоописательства, обращение к ментальному уровню, к идеалам, ценностям, стереотипам сознания» [7, с. 30–31].

В отечественном гуманитарном знании сегодня явственно проступает формирование трех основных течений, связанных с проблематикой повседневности, но имеющих разное основание. У истоков первого направления стоял Ю. М. Лотман и его последователи, сформулировавшие в своих трудах представление о новой предметной области культурологии – об изучении культуры повседневности. Родоначальниками второго направления, ориентированного на познание сферы повседневного исторической наукой, следует считать А. Я. Гуревича и Ю. Л. Бессмертного. И, наконец, третье направление представлено работами таких ученых, как С. Б. Борисов, В. В. Волков, Н. Б. Лебина, И. А. Утехин, использующих понятийный аппарат и методы социальной антропологии и культуральных исследований [9, с. 66].

Изучение повседневности военных периодов позволяет не только зафиксировать следы кардинальных изменений восприятия вещного мира, событийных практик, субъект-субъектных отношений, но и определить наиболее значимые пласты обыденности, отвечающие за стабильность и виталь-

ность человеческого бытия. Это объясняет особое внимание исследователей к подобным пограничным сферам взаимодействия внешней и обыденной реальности, к факторам, вторгающимся в жизненный мир человека и разрушающих его.

Нет нужды доказывать, что по степени воздействия на последующий ход человеческой истории первые строчки рейтинга будет уверенно занимать Первая мировая война. Ее начальный этап хронологически определяет дату вступления человечества в XX в., и 1914 г. выступает тем водоразделом, что необратимо изменил привычный ход течения жизни, создав основу для утверждения «короткий XX век». В условиях рассогласования привычных взаимосвязей жизненной среды основным фактором, угрожавшим стабильности бытия, становится кризис системы потребления. Примеряя к ситуации существующие модели структурирования повседневности, можно говорить о том, что в фокусе нашего внимания будут представлены тело и заботы о его природных функциях или поддерживающие виды человеческой активности (прежде всего питание).

Синонимом кризиса, вобравшим в себя все предельные значения катастрофичности положения, выступает концепт «дороговизна», появившийся на страницах провинциальных газет весной 1915 г. Периодическая печать (особенно региональная) при всей сложности ее структуры и разнообразии жанров признается сегодня одним из основных видов источников по истории повседневности [4, с. 26]. В частности, по сообщениям пензенской прессы, к апрелю 1915 г. цены на некоторые товары повседневного спроса выросли в три раза, по сравнению с началом военных действий [10]. Зимой 1915–1916 гг. продовольственная ситуация здесь обострилась до предела. Так, 26 января 1916 г. пензенская газета «Чернозем» отмечала, что вне зависимости от деятельности только что созданной городской Продовольственной комиссии в губернском центре «не хватает муки, крупы, соли, мяса, сахара и прочих продуктов... Нет даже мало-мальски съедобного хлеба» [11]. Даже по установленным в марте 1917 г. твердым ценам на оптовую и розничную торговлю мукой в г. Пензе стоимость пуда ржаной муки достигла отметки в 2,5–2,8 руб., а пшеничной – в 4,4–4,1 руб., тогда как в 1913 г. ржаная мука в Пензе продавалась не более чем по 0,9 руб. за пуд, а пшеничная, соответственно, – по 1,8–2,5 руб. [12, л. 123; 13]. Необходимо отметить, что практикуемые местными властями меры по борьбе с дороговизной, как то: введение таксы на товары, наложение административных взысканий в виде штрафов или ареста, показали всю свою несостоятельность, особенно в отношении зерновых продуктов. Производители придерживали хлеб в надежде реализовать его по спекулятивным ценам. На материалах «Вестника Пензенского земства» это показали А. Г. Рыбков и П. Л. Фетисов. В частности, по данным исследователей только за сентябрь–декабрь 1916 г. подорожание продовольствия составило 94,3 %, в том числе по причине спекуляций – 55,3 % [14, с. 126].

Дезинтеграция социальных связей в городе экстраполировалась на ситуацию в государстве в целом и посредством каналов массовой коммуникации усваивалась массовым сознанием как неотвратимое приближение окончательного крушения мира привычной повседневности. «Ужасная обремененность» дороговизной определяла одно из наиболее общих и сверхсильных массовых переживаний последнего предреволюционного года [15, л. 18].

К продовольственным трудностям добавились проблема наплыва беженцев, а вслед за этим и эпидемия тифа. В частности, в 1915 г. из общего количества эвакуированных свыше 700 тыс. человек проследовало через Пензенскую губернию, а около 63 тыс. осталось на временное жительство. Из общего количества эвакуированных было обеспечено продуктами первой необходимости и питанием около 500 тыс. человек [14, с. 125]. В январе 1916 г. в Пензенской губернии насчитывалось 67 тыс. временных переселенцев (в том числе в г. Пензе – 2019 человек; число заболевших тифом составило 150 человек), к октябрю численность беженцев только в г. Пензе возросла до 10 913 человек. По уездам данный показатель колебался от 2696 до 7325 человек [16, с. 30, 227].

Многие вынужденные переселенцы, пребывая во внутренние регионы империи, не могли рассчитывать на помощь государства и довольствовались либо прежними накоплениями, либо помощью общественных организаций. Так, повсеместно были открыты губернские отделения комитета Ея Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Размер единовременных выплат комитета составлял в зависимости от ситуации от 25 до 50 руб. Как правило, беженцы обращались в Татьянинский комитет с просьбами о приобретении самого необходимого – теплой одежды и обуви («о выделении валенок и теплой одежды») или продуктов питания, что свидетельствовало о крайней степени нужды. Здесь мы имеем дело с таким видом письменных источников, как эго-документы, к которым следует отнести: различного рода обращения граждан, личную корреспонденцию, дневниковые записи, воспоминания и пр. Так, в своем прошении от 18 мая 1917 г. ученица 7-го класса 2-й женской гимназии, беженка из Курляндской губернии, проживавшая «в Пензе на городской скотобойне», Э. А. Лавенек отмечала: «Не имея отца, а вместе с тем и средств к существованию, даже возможности питаться, покорнейше прошу выдать мне какое-либо пособие на каникулярное время» [17, л. 223].

Делопроизводственную документацию фондов региональных архивов, представляющих интересующий нас период, и прежде всего документы местных органов власти и самоуправления, как то: канцелярии губернатора, губернского правления, городских дум и земских управ, следует рассматривать в качестве важнейшего вида источников по изучению практически всех структурных элементов концепта повседневности. В отношении ситуации потребительского кризиса можно выделить следующие вопросы, нашедшие свое отражение на страницах единиц архивного хранения: характеристика мероприятий по борьбе с дороговизной, по пресечению нарушений обязательных постановлений губернатора в отношении системы потребления в целом, «беспорядочное движение», связанное с ростом погромных настроений на фоне дороговизны и пр.

Борьба «с непомерным возрастанием цен на предметы первой необходимости» признавалась в делопроизводственной документации главной заботой местных властей. Так, согласно материалам, изложенным в докладе Пензенской городской продовольственно-исполнительной комиссии от 17 февраля 1916 г., вопрос о полном снабжении населения даже не ставился, «как вызывающий необходимость в огромных средствах, поэтому и являющийся

совершенно непосильным для города, ввиду ограниченных его средств» [18, л. 180]. Полное отсутствие в городе ржаной муки в условиях осуществления реквизиций ржи и овса для нужд армии вынудили Комиссию приступить к закупке зерновой ржи, каковой и было приобретено на местных базарах 11 615 пудов по цене 1 руб. 24 коп. за пуд. Размол ржи осуществлялся по самым низким ценам на мельнице А. Н. Евстифеева. Выпечка ржаного хлеба осуществлялась в пекарне Комиссии.

Кроме того, в конце января – начале марта в городе наблюдалось полное отсутствие соли. Подобная ситуация была ярким свидетельством системных сбоях в организации снабжения и перевозок гражданских грузов. Нехватка соли объяснялась перегруженностью железнодорожных линий, но в то же время в Пензу десятками вагонов поступал хмель, не входивший в перечень товаров первой необходимости. При использовании в том числе и личных связей «удалось “выпросить” у Уполномоченного Воейковского Посолочного пункта 2 вагона соли», которую сразу же отправили на рынок, и спустя две недели нужда в соли потеряла свою актуальность [18, л. 181 об.]. Острую форму в начале марта, особенно в связи с приближением праздника Св. Пасхи, приобрел вопрос о почти полном отсутствии высоких, хорошего качества, сортов белой муки. Попытки Комиссии напрямую обратиться к владельцам мучных складов в Саратове, Кургане, Екатеринославе и других городах остались благими пожеланиями. Потерпев неудачу, в Харьков, Саратов и Балашов были командированы члены комиссии А. Г. Свинухов и И. А. Грошев. Однако, как выяснилось, харьковские мукомолы могли доставить свой товар лишь к маю, а в Саратове работа мельниц и вовсе была остановлена. Муку всех самых высоких сортов предлагали купить мукомольные фирмы в г. Уральске, но из-за нехватки вагонов очередность вывоза товаров растянулась на два с половиной месяца. Тем самым в Уральске все склады были забиты мукой, а Пенза сидела на голодном пайке.

Благодаря экстренным мерам (отправке муки по самому высокому тарифу) удалось в кратчайшие сроки доставить в Пензу 12 вагонов муки самого высокого качества. На данном этапе проблема обеспечения населения пшеничной мукой была решена благодаря эффективным действиям членов Комиссии.

Практически не поступало в город и сахара-рафинада. Несмотря на заказ городскими властями 104 вагонов, ни один из них в Пензу так и не прибыл, и с 1 июня 1916 г. в качестве вынужденной меры было решено ввести карточную систему «для отпуска населению г. Пензы сахару-песку по карточкам» из расчета 2 фунта на человека [12, л. 182].

Серьезным вызовом для решения продовольственного вопроса в провинции становится выполнение наряда по обеспечению армии хлебом и зерновым фуражом. В деятельности Пензенской городской продовольственно-исполнительной комиссии это вызвало длительное согласование принимаемых мер с Уполномоченным по закупке хлебов для армии по Пензенской губернии кн. Л. Н. Кугушевым. Последний в связи с необходимостью закупок у крестьянства «под угрозой реквизиции» всех излишков выразил обеспокоенность возможным сокращением подвоза хлеба на местные базары. На своем заседании 22 февраля 1916 г. Комиссия приняла решение: «просить г. Уполномоченного по закупке хлеба для армии по Пензенской губернии, не

найдет ли он возможность приобрести и для нужд населения исключительно г. Пензы 90 000 пуд. ржи и 500 000 пуд. овса, потребных до нового урожая хлебов для продажи населению по заготовительной цене... в случае если эта просьба г. Уполномоченным не может быть удовлетворена, просить его освободить от усиленной закупки и реквизиции хлебов весь Пензенский уезд, волости Мокшанскую, Свинухинскую, Елизаветинскую и Успенскую Мокшанского уезда, Чемодановскую и Лопуховскую волости Городищенского уезда». Кроме того, городской Управе было поручено «возбудить надлежащее ходатайство о включении Пензенской губернии в число 17 губерний, отнесенных Правительством к I разряду по нуждаемости в продовольствии... а также просить Исполнительно-Продовольственную Комиссию принять меры к тщательной регистрации хлебного зерна и муки, имеющихся у торговцев, дабы эти предметы были вывозимы из города только по удовлетворении местных нужд» [18, л. 98–103].

Весьма характерным примером, иллюстрирующим степень напряженности воспроизводства повседневной жизни рядовых обывателей, является рассмотрение случаев нарушения обязательных постановлений губернатора. Так, по протоколу дознания пензенского полицмейстера от 18 апреля 1915 г. крестьянин, проживавший в Пензе, С. И. Курышев «продал партии пленных австрийцев каравай белого хлеба дороже таксы, установленной Пензенской городской Думой». По постановлению губернатора от 26 августа на Курышева было наложено денежное взыскание в размере 50 руб. с заменой его в случае неуплаты арестом на 14 дней. Однако в своем прошении о сложении взыскания незадачливый торговец пояснил всю неоднозначность ситуации: «На пасхальной неделе текущего года через станцию «Пенза» Рязанско-Уральской железной дороги провозили военнопленных, взятых в Перемышле. Пленных провозили по несколько тысяч в день, и в лавках на порядке, где я живу, не хватало не только хлеба, но и всего, что только можно было съесть и выпить. От центра города порядок был совершенно отрезан весенним половодьем, так что хлеб из пекарен перевозили на лодках в небольшом количестве... Едва я успел вылезти из лодки, как пленные набросились на меня, силой отняли у меня хлеб, хотя тут же и бросили деньги.

Я обратился за помощью к стоявшему здесь городовому, который велел мне хлеб продавать по 65 коп. за каравай (хлеб был I-го сорта и каравай весил около 8 фунтов). Не продать же на месте хлеба не было возможности, так как пленные уже завладели мешком с хлебом и бросали мне деньги, не справляясь о цене и о весе хлеба.

Подобные явления были и с другими, которые несли хлеба только лично для себя всего несколько фунтов, и набежавшие пленные забирали его и бросали деньги, сколько у них наберется» [19, л. 65–69].

Необходимо отметить, что даже самый поверхностный анализ делопроизводственной документации относительно нарушений Обязательных постановлений губернатора свидетельствует, что чаще всего власти фиксировали незаконную торговлю алкогольными суррогатами, солдатским обмундированием, непредставление сведений в полицию о лицах, прибывающих для проживания в город, а также превышение таксы, установленной городской Думой на продажу продуктов первой необходимости.

И все же меры борьбы властных структур с дороговизной в средневожской деревне считались явно недостаточными [20, л. 255–266]. Рост радика-

лизм в восприятии наличных социально-политических связей оценивался современниками посредством фиксации критических высказываний по поводу дороговизны: «еще больше ропот на купцов», «ненависть к купцам», «злоба на торговцев» и т.д. По мере ухудшения продовольственного обеспечения массовый характер приобретают уже «беспорядки на почве дороговизны». Эскалация же «погромных настроений» становилась своего рода прелюдией перехода к более радикальным формам социального поведения (практики).

Список литературы

1. **Бергер, П.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман // Теоретические концепции повседневности в современной гуманитарной науке / сост. А. В. Бушмаков. – Пермь : Пермск. гос. ин-т искусства и культуры, 2010. – 121 с.
2. **Розенберг, Н. В.** Культура повседневности: методология исследования / Н. В. Розенберг. – Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – 200 с.
3. **Журавлев, С. В.** История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки / С. В. Журавлев // Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М. : РОССПЭН, 2010.
4. **Орлов, И. Б.** Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. – М. : Изд. дом Гос. ун-та «Высшая школа экономики», 2010. – 317 с.
5. **Людтке, А.** История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти / А. Людтке. – М. : РОССПЭН, 2010. – 271 с.
6. Этнические стереотипы поведения / под ред. А. К. Байбурина. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1985. – 324 с.
7. **Полякова, И. П.** Социально-философское понимание повседневности : моногр. / И. П. Полякова ; под ред. д-ра филос. наук, проф. Л. П. Станкевича. – Липецк : Изд-во ЛГТУ, 2009. – 138 с.
8. **Карлсон, Ю. В.** Структуры повседневности: социально-философский анализ : моногр. / Ю. В. Карлсон. – Пятигорск : ПГЛУ, 2011. – 111 с.
9. **Смирнов, А. В.** Генеалогия повседневности / А. В. Смирнов. – СПб. : Петербургский институт печати, 2012. – 160 с.
10. Пензенские губернские ведомости. – 1915. – № 87.
11. Чернозем. – 1916. – № 20.
12. ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7973.
13. Пензенские губернские ведомости. – 1917. – № 56.
14. **Рыбков, А. Г.** Деятельность пензенского земства в годы Первой мировой войны / А. Г. Рыбков, П. Л. Фетисов // Вестник СГСЭУ. – 2012. – № 3 (42). – С. 124–127.
15. ЦГАСО (Центральный государственный архив Самарской области). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127.
16. Пензенские губернские ведомости. – 1916. – № 22.
17. ГАПО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 24.
18. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 737.
19. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 8006.
20. ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325.

References

1. Berger P, Lukman T. *Teoreticheskie kontseptsii povsednevnosti v sovremennoy gumanitarnoy nauke* [Theoretical conceptions of every day life in modern social sciences]. Perm: Permsk. gos. in-t iskusstva i kul'tury, 2010, 121 p.
2. Rozenberg N. V. *Kul'tura povsednevnosti: metodologiya issledovaniya* [Culture of every day life: methodology of research]. Tambov: Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2010, 200 p.

3. Zhuravlev S. V. *Lyudtke A. Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [Lyudtke A. History of every day life in Germany: New approaches to research of labor, war and authority]. Moscow: ROSSPEN, 2010.
4. Orlov I. B. *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet every day life: historical and sociological aspects]. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta «Vysshaya shkola ekonomiki», 2010, 317 p.
5. Lyudtke A. *Istoriya povsednevnosti v Germanii: Novye podkhody k izucheniyu truda, voyny i vlasti* [History of every day life in Germany: New approaches to research of labor, war and authority]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 271 p.
6. *Etnicheskie stereotipy povedeniya* [Ethnic stereotypes of behaviour]. Ed. by A. K. Bayburina. Leningrad: Nauka, Leningr. otd-e, 1985, 324 p.
7. Polyakova I. P. *Sotsial'no-filosofskoe ponimanie povsednevnosti: monogr.* [Sociophilosophical understanding of every day life: monograph]. Lipetsk: Izd-vo LGTU, 2009, 138 p.
8. Karlson Yu. V. *Struktury povsednevnosti: sotsial'no-filosofskiy analiz: monogr.* [Structure of every day life: sociophilosophical analysis: monograph]. Pyatigorsk: PGLU, 2011, 111 p.
9. Smirnov A. V. *Genealogiya povsednevnosti* [Genealogy of every day life]. Saint Petersburg: Peterburgskiy institut pechati, 2012, 160 p.
10. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza province bulletin]. 1915, no. 87.
11. *Chernozem* [Black soil]. 1916, no. 20.
12. *GAPO (Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti)* [SAPR (State archives of Penza region)]. F. 5. Op. 1. D. 7973.
13. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza province bulletin]. 1917, no. 56.
14. Rybkov A. G., Fetisov P. L. *Vestnik SGSEU* [Bulletin of Saratov State Socioeconomic University]. 2012, no. 3 (42), pp. 124–127.
15. *TsGASO (Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti)* [Central state archives of Samara region]. F. 468. Op. 1. D. 2127.
16. *Penzenskie gubernskie vedomosti* [Penza province bulletin]. 1916, no. 22.
17. *GAPO*. F. 87. Op. 1. D. 24.
18. *GAPO*. F. 108. Op. 1. D. 737.
19. *GAPO*. F. 5. Op. 1. D. 8006.
20. *GAUO (Gosudarstvennyy arkhiv Ul'yanovskoy oblasti)* [SAUR (State archives of Ulyanovsk region)]. F. 855. Op. 1. D. 1325.

Сухова Ольга Александровна

доктор исторических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
истории России, краеведения и методики
преподавания истории, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

Sukhova Olga Aleksandrovna

Doctor of historical sciences, professor,
deputy head of sub-department of Russian
history, local history and history teaching
methods, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 947(470.4) «1914/1918»

Сухова, О. А.

**«Дороговизна» как фактор трансформации повседневности в эпоху
Первой мировой войны: предмет и метод исследовательской практики /**
О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион.
Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 44–53.